

Радаев Вадим Валерьевич – первый проректор Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий кафедрой экономической социологии, доктор экономических наук, профессор.

Возможна ли позитивная программа для российской социологии¹

Российская социология нуждается в позитивной программе своего развития. Стенания по поводу того, что в ней все плохо, а будет еще хуже, не слишком перспективны. Но и подходить к этому вопросу в святой уверенности, что здесь уже и так благополучно (за исключением некоторых внешних проблем), тоже по меньшей мере безосновательно.

В этой связи несколько удивляют победные ноты, прозвучавшие на учредительном съезде Союза социологов России, где в основном докладе была представлена картина триумфального шествия российской социологии со времен О. Конта до наших дней². Про наши дни сообщалось, в частности, что в стране работают 35 факультетов социологии, 25 отделений и 85 кафедр, ежегодно выпускается до 8 тыс. социологов. Мы искренне рады этим обстоятельствам. Но хорошо было бы оценить качество подготовки выпускников и, главное, уровень тех, кто их готовит. С наукой, говорят, тоже все прекрасно – ежегодно по социологии защищается в среднем без малого 60 докторских диссертаций. А если произвольно отобрать и прочитать хотя бы несколько из этих диссертаций. Сохранится ли после этого наше радужное настроение? В докладе отмечалось, что в стране появилось более десятка социологических журналов, и еще в 67 изданиях из списка ВАК можно опубликовать статьи по социологии. Отлично. Но давайте посмотрим, сколько российских социологов регулярно публикуются в международных социологических журналах, и соотнесем эти данные с числом докторов социологических наук.

Бесспорно, всех нас интересует состояние отечественного высшего социологического образования. Если верить докладу, его развитие сдерживают шесть факторов: отсутствие четкой государственной политики; недооценка социологической компетентности населения, субъектов власти, персоналий бизнеса; недостаточное целевое

---

¹ Материал подготовлен на основе доклада на пленарном заседании ежегодной конференции Сообщества профессиональных социологов, состоявшемся 15 декабря 2007 г.

² См.: Жуков В.И. Социология в современной России (Доклад на учредительном съезде Союза социологов России 27 июня 2007 г.) // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 4–12.

финансирование; отсутствие федеральной нормативной основы для практической подготовки социологов; затяжка с утверждением новых государственных образовательных стандартов; слабая государственная поддержка программ повышения квалификации³. Обратите внимание: за исключением малопонятого пункта про недооценку компетентности..., все сдерживающие причины – сугубо внешние, более того, вина и ответственность во всех случаях перелagаются на государство. А у нас самих, значит, все нормально? Нет, конечно, в паре абзацев ритуально перечисляются внутренние проблемы (нельзя же не отметить недостатки!). Но в целом, как говорится, «все хорошо, прекрасная Маркиза!»

Удивительно, что бравурные марши раздаются вскоре после того, как студенты социологического факультета формально ведущего вуза страны, рискуя вылететь из университета, заявили во всеуслышание, что их учат «не тому и не так». До какой же точки кипения их нужно было довести? Нас это не беспокоит?

Победные реляции звучат в тот самый момент, когда в наиболее тиражных учебных пособиях того же факультета обнаружен систематический и циничный плагиат. Материалы, которые приходилось видеть, это четко доказывают. Причем перед нами объективные свидетельства, не связанные с «вкусовыми» или идейными расхождениями отдельных социологов. Эта проблема даже не упоминается (если не считать туманного заявления о том, что издательский рынок наводнен литературой, которая «не всегда соответствует»). Проблема систематического плагиата считается несущественной? Но ведь это же скандальное и позорное дело! И отнюдь не частный случай или дело одного лишь соцфака МГУ (который при этом чудесным образом продолжает претендовать во главе УМО на грифование всех прочих учебников). Почему эта проблема не обсуждается? Возможно, потому, что ее страшно поднимать – слишком много скелетов таится в шкафах. Вместо этого, нам предлагают другую «проблему», разъясняя, что это за литература, которая «не всегда соответствует», – «массовое распространение получили переводные, неадаптированные учебники и учебные пособия»⁴. Вот, оказывается, откуда происходит основная угроза! Кстати, любопытно, что плагиаторы списывали преимущественно с российских книг – так, вероятно, им лучше «адаптировать» свои произведения.

Но давайте отвлечемся от парадных шествий (в объявленный в России Год социологии их еще будет не мало) и обозначим свою позицию. Я полагаю, что любая

---

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 9.

позитивная программа должна строиться не на перечне свершений и взятых количественных рубежей. Она должна начинаться с идентификации ключевых проблем и разворачиваться в напряженном поле этих проблем. При этом под «проблемой» я понимаю не просто какие-то общие или частные недостатки, а существенные нестыковки, расхождения в позициях, болезненные разрывы в понимании, которые мешают нам жить и которые приходится преодолевать. А позитивная программа, соответственно, представляет не свод готовых рецептов немедленного и гарантированного излечения от всех болезней, а совокупность векторов, своего рода ориентиров, показывающих, в каком направлении целесообразно продвигаться, чтобы преодолеть эти разрывы.

Попробую обозначить несколько таких векторов. При этом в данном случае оставим в стороне собственно организационные проблемы и сосредоточим внимание на вопросах, связанных с профессиональной позицией социолога.

Нужно ли быть понятными для «непосвященных»

Посмотрим на наиболее традиционные жалобы, исходящие от социологов: студенты не хотят заниматься социологической теорией, желая приобрести более прикладные знания и навыки; практики игнорируют результаты социологических исследований, не прислушиваясь к сделанным выводам; государство недофинансирует науку и образование. В этих жалобах нет ничего специфически социологического, на это жалуются все представители социальных наук. И главное, вновь перед нами обвинения в адрес внешних обстоятельств, в то время как правильнее было бы начинать с «разбора собственных полетов». Такая позиция менее удобна, но зато более конструктивна – при всех наших амбициях весь мир не переделать, а сфера нашего эффективного и контролируемого действия находится в пределах вытянутой руки.

Каковы же внутренние проблемы российской социологии? Начнем с поверхностности: почему те, от кого ожидается интерес к социологической теории, его не проявляют или проявляют слишком вяло? Здесь обнаруживается первое досадное обстоятельство: социологическое теоретизирование часто напоминает «ковыряние палкой в тумане», представляя собой описание увиденного и прочитанного на какую-нибудь актуальную тему (таблицы с цифрами, полученными в ходе очередного полевого исследования, тоже не слишком в этом отношении помогают). Все это накладывается на чрезмерные амбиции, попытки представить социологию в качестве всеобщей теории при недостаточно определенном методологическом ядре и выборе безграничных объектов. Не раз приходилось видеть, как студенты в проектах своих работ определяют объект исследования как «население России» или «властные отношения». Смешно?! Но ведь

студенты – своего рода зеркало, отражающее то, что происходит во «взрослой» части сообщества. И всегда ли мы следуем императивам максимально возможного определения (и, следовательно, ограничения) объекта и строгости своих суждений по поводу этого объекта?

Но псевдотеоретизирование – только часть общей беды. Нередко ему противопоставляются теоретические конструкции, построенные путем нагромождения эзотерических форм. Причем терминологические изыски очевидно рассматриваются как способ профессиональной защиты от дилетантов. Многие коллеги искренне убеждены, что «не могут чумазы на фортепьянах играть», т.е. теория доступна только избранным. А потом мы еще жалуемся на то, что никто не ломится в нашу «башню из слоновой кости».

Действительно, производить сложную теоретическую работу способны немногие. Но важно понять, что мы хотим иметь на ее выходе. Зная, что это спорный вопрос, я тем не менее полагаю, что вместо выстраивания защитных порядков против неофитов и профанов (например, против студентов и представителей других специальностей, интересующихся социологией), теории должны быть относительно прозрачными, т.е. понятными, по крайней мере, образованной и получающей образование публике. Это вовсе не означает, что содержание наших теорий должно быть примитивным, «святая простота» тоже не вызывает умиления. Напротив, это содержание, как и используемые методологические инструменты, могут быть сколь угодно сложными. Но если мы не можем внятно донести результаты наших размышлений и наблюдений до «непосвященного», то значит, мы сами не вполне понимаем то, о чем говорим. И не нужно бояться, что если нас легче будет понять, то и ценить нас будут меньше.

В качестве теста на ясность содержательного изложения можно предложить проверку нашей способности (или неспособности) к написанию учебников по социологии для школьников – не скорых компиляций и не переложений выученного по вторичным источникам структурного функционализма, а учебников, отражающих состояние современной социологической теории, привязанных на иллюстративном уровне к российской проблематике (в данном отношении я солидарен с теми, кто считает, что переводных книг недостаточно). Вопрос с тем, кто сейчас в состоянии подготовить такие книги и решить на высоком уровне эту поистине национальную задачу?

Как прояснять теоретические основания

Чтобы быть понятными для других, нужно сначала стать понятными для самих себя, а для этого необходимо прояснять основания собственных теорий. И первое, с чего следует начинать, – четкое определение исходных понятий. Вы скажете, зачем нам эти

прописные истины? Но давайте соберем вчерашних выпускников социологических факультетов и попросим их определить, что такое «социальные структуры», «институты» или «культура». Уверяю, возникнут трудности, и не потому, что опрашиваемые ничего не знают, а поскольку ответы будут разные.

Вы скажете, что единых социологических определений в принципе не может быть, поскольку давно нет единой социологии – она мультипарадигмальна. С этим отчасти приходится согласиться, но тогда давайте четче дифференцировать подходы и каждый раз разъяснять, с какой методологической позиции мы рассматриваем те или иные положения, при этом не претендуя на их универсальность. И тогда молодой социолог достойно ответит на поставленные ему вопросы: с точки зрения такого-то подхода «институт» – есть... Многие ли сегодня способны это сделать?

Далее, последовательно дифференцировать социологические (и любые другие) подходы нельзя без выделения аксиоматической базы. Удивительно, но по этому «простому» вопросу среди социологов нет никакого единства. И, по-моему, даже сама проблема не вполне осознается. Можно, скажем, яростно критиковать экономистов за присущий им детерминизм, но у них эта проблема снята – аксиоматика, конечно, выделяется по-разному (современная экономическая теория тоже многолика), но делается это весьма отчетливо. В то время как коллеги-социологи спрашивают: разве в социологии тоже должны быть аксиомы? А разве мы не должны все подвергать проблематизации? И как здесь вообще возможны положения, не требующие доказательств, если сами подходы столь разнородны? На мой взгляд, не только возможны, но и необходимы. Только строиться они должны в рамках каждого из предлагаемых подходов (например, сетевого, институционального, социокультурного и др.) – как его исходное основание, позволяющее приверженцам данного подхода опираться на него как на фундамент, а противникам – давать его содержательную критику, разбирая фундамент по кирпичикам. При этом мы вовсе не имеем в виду, что аксиоматика является чем-то незыблемым, раз и навсегда данным, тем более, если дисциплина продолжает развиваться. Но на каждой данной ступени исходные предпосылки следует определять как можно четче.

А что происходит, когда аксиоматика четко не выделяется? Аксиомы тихо, по умолчанию, переносятся в область исследовательских задач и гипотез. И вместо того, чтобы, скажем, зафиксировать на аксиоматическом уровне, что социальные сети (или институты, или культура) имеют значение, и далее строить действительно проблемные гипотезы, начинаются бесконечные обоснования того, что эти сети (институты, культура) действительно важны – в любой сфере, какую бы мы ни взяли. Исследование из решения

задач превращается в процедуру оправдания избранного подхода и закономерно приходит к утвердительным выводам (ведь куда ни пойдешь, везде сети, институты, культура...).

Почему большинство исследовательских гипотез (если они вообще формулируются) у начинающих и, к сожалению, у вполне опытных исследователей являются самоочевидными, т.е. по существу никакими гипотезами не являются? Часто потому, что, желая казаться «настоящими профессионалами», мы закладываем в гипотезы предполагаемые (или уже полученные) результаты, превращая их в риторические формулы, так сказать, «отдавая дань...» А еще потому, что хотим непременно верифицировать собственные теоретические построения (зачастую аксиоматического свойства), чтобы доказать их (а, следовательно, и свою) значимость.

Что в этом отношении требуется, так это принципиально отделять гипотезы, с одной стороны, от аксиоматики в рамках конкретного подхода, а с другой – от предполагаемых результатов. Это значит, что вместо доказательств чуть ли не всеобщей применимости избранного (и столь «полюбившегося» нам) подхода, мы должны стремиться к фальсификации собственных теоретических положений (вполне в попперовском духе), отчетливо демонстрируя, где они оказываются неприменимыми, т.е. фиксируя области действия, где наши сети, институты, культура и пр. не играют решающей роли. Почему-то это считается проявлением слабости, в то время как эксплицирование собственных границ (т.е. нормальная рефлексия второго уровня после рефлексивного ограничения внешнего объекта) как раз и является проявлением содержательной силы. Готовы ли мы воспринимать такой взгляд как норму и основание для собственной деятельности?

Что делать с методологическим плюрализмом

Известно, что единой «гранд-теории» в социологии нет со времен Т. Парсонса. Периодические попытки предложить такую теорию оказались безуспешными. Труды Питирима Сорокина и других соотечественников, при всем к ним уважении, в этом деле тоже вряд ли помогут. Что делать в этом отношении?

Может быть, приступить к строительству новой «гранд-теории»? Многим коллегам симпатична подобная мысль, и они склонны ожидать пришествия нового Маркса (Вебера, Парсонса, Лумана – в зависимости от пристрастий). Но большинство, видимо, согласится с тем, что «поезд ушел», и ждать больше нечего. Социология слишком разнородна, чтобы претендовать на единение в смысле формирования общего методологического ядра.

Значит, каждый должен идти своим путем, при этом гордо игнорируя других? Это как раз то, что мы имеем сегодня. И разнородный образовательный и профессиональный

бэкграунд российских социологов старшего и среднего поколений этому только способствует (ведь одни из нас вышли из философов, другие – из историков, третьи – из экономистов).

Или, быть может, попытаться доказать, что один из подходов – наиболее адекватный, развязать очередную «битву методов», например, снова, в который раз поспорить о приоритете количественных или качественных методов? Дебаты, конечно, необходимы и, более того, социологам их явно не хватает. Но вопрос в том, с какой целью они ведутся. Чтобы одержать верх и оказаться в доминирующем положении? Вряд ли на это стоит тратить лучшие годы.

Полагаю, что ключевым проектом в этом отношении должно стать строительство «методологических мостов» между подходами (конвенциональных связей, интерфейсов, конфигураторов, называть это можно как угодно). Здесь напрашивается следующая аналогия. Всем нам нравятся такие города, как Санкт-Петербург или Венеция, где разъединенные природой части связаны многочисленными мостами. Почему не представить это как модель? Заметим при этом, что мосты – не просто механические соединения и в то же время не символические дополнения к архитектурным ансамблям. Именно они во многом формируют город как единое пространство. И если засыпать или перекрыть внутренние каналы и реки в безумной попытке превратить разные части города в одну безразмерную площадь, он, потеряв свою структуру, скорее, умрет, нежели расцветет с новой силой. Если же обратиться к социологическим направлениям, многое ли здесь делается практически для «наведения мостов»? Не для формирования общей методологии всего и вся, а для построения содержательных связей между диверсифицированными подходами?

Как перепрыгнуть через пропасть между теорией и эмпирикой

Серьезный разрыв проявляется также в напряженной связи между теоретическими подходами и эмпирическими свидетельствами. Наглядный пример – работы многих наших студентов и аспирантов: обзор теорий – в одной главе, эмпирические исследования – в другой и, что характерно, связь между ними почти не прослеживается или остается сугубо формальной. И разве это касается только дипломов и кандидатских диссертаций?

Разрыв между теоретическими построениями и социальными измерениями реален и серьезен, часто речь идет о необходимости преодолеть пропасть между ними в три – четыре прыжка. И тем не менее другого выхода нет.

В этой связи прежде всего хочется обратиться к тем, кто увлечен социологической теорией. Мы не можем бросать идеи в пространство – скорее всего, они «упадут на дно» и

больше о них никто не услышит. Предлагать какую-либо модель «для будущих исследований» в надежде на то, что появятся некие продолжатели дела с горящими глазами и перенесут эти идеи на сторону эмпирических исследований, слишком уж романтично. С большой вероятностью этого никогда не произойдет. Нужно все делать самому, совершая полный исследовательский цикл и преодолевая пагубное разделение труда между теми, кто «витают в облаках», и теми, кто «копается в земле». Сходный запрос правомерно послать и другой стороне – тем, кто любит повторять: «Мы, однако, не теоретики, мы все больше с цифрами...» Хочется заметить, что цифры сами по себе никому не нужны.

Но разве любые социологические конструкции можно операционализировать и затем верифицировать на эмпирическом уровне? Нет, существует род мировоззренческих, или еще можно назвать, идеологических, построений (например, теории капитализма или открытого общества, глобализации или индивидуализации), которые изначально слишком общи и(или) ценностно перегружены, чтобы нуждаться в подтверждении конкретными фактами. Такие мировоззренческие системы играют важную стимулирующую роль, указывая на какие-то крупные тенденции. Но их желательно отделять от собственно социологических теорий, которые ожидают последующей операционализации и тестирования основных предположений. Без четкого разделения двух этих типов логических конструкций нам не перешагнуть даже небольшие препятствия, не говоря уже о преодолении крупных разорванных пространств.

И еще одна хорошо известная, но извечно больная область: нужно хорошо знать свое ремесло, имея в виду все необходимые процедуры и методы сбора и анализа данных. С некоторой долей шуток, можно сказать, что во многих случаях в споре между приверженцами М. Вебера и последователями П. Сорокина победит тот, кто лучше знает SPSS и статистику. Кому-то это тоже кажется самоочевидным? Но что можно сказать, когда в билетах на государственном экзамене по социологии в 2007 г. все на том же факультете социологии МГУ современная теория заканчивается Парсонсом, а вопросы по количественным методам отсутствуют вовсе (если не считать таковым один вопрос о типах выборок)? Можно ли это считать случайностью или частной недоработкой?

Важно понять, что это проблема не только организации учебного процесса на каком-то одном факультете. Существует суровый и почти повсеместный дефицит тех, кто может преподавать социологам количественные методы. Есть много прекрасных математиков и статистиков, которые не чувствуют социологической проблематики, и, напротив, много социологов, которые не владеют соответствующими методами.

Выскажу «крамольную» мысль: не исключено, что в ближайшее время придется отыскивать и приглашать наших соотечественников, закончивших американские университеты (в европейских университетах этому тоже не очень учат), которые способны преподавать социологические методы на должном уровне. А как же наш российский патриотизм? Торжество настоящего патриотизма как раз и проявится в том, что хотя бы часть ранее уехавших коллег вернется на Родину и найдет здесь адекватные условия для жизни и работы. Или с преподаванием методов у нас тоже все хорошо?

Нужно ли открываться для профессионального сообщества

Много говорится о дефиците связей внутри профессионального социологического сообщества. И это стоит нашей заботы. Но ведь речь идет не только о том, чтобы слушать друг друга на конференциях и читать опубликованные статьи и книги. Действительно зрелое профессиональное сообщество должно быть более открытым – внутренне и внешне.

В связи с этим зададим несколько «неудобных» вопросов. Почему так трудно найти на сайтах российских университетов полные тексты программ учебных дисциплин? Нам говорят: потому что коллеги боятся, что кто-то украдет их ценные разработки? Позвольте с этим не согласиться. Основная причина, на наш взгляд, в другом – просто многие не хотят их показывать, поскольку в одних программах обнаружится литература как минимум двадцатилетней давности и соответствующая скудному списку из локальной библиотеки, а многие другие окажутся и вовсе некондиционными (несоответствующими элементарным стандартам) или попросту списанными с чужих источников.

Например, в Высшей школе экономики все программы учебных дисциплин доступны в сети Интернет. Несомненно, так удобнее для студентов. Но это также и принципиальная профессиональная позиция, обращенная к нашим коллегам: заходите на сайт и смотрите; если что-то делается не так, критикуйте нас, будем благодарны. Воруют ли наши продукты? Да, воруют. Пожалуйста, мы не против. И пусть тот, кто ворует, или тот, кто не в состоянии подготовить материалы на должном уровне, тихо сидит в своем закрытом углу. Сославшись на любые причины, он не будет открываться, чтобы не стать объектом неформального академического контроля со стороны профессионального сообщества – единственного достойного оценщика наших усилий.

Далее, почему бы не вывесить в открытом и свободном доступе все защищаемые диссертационные работы (подчеркну, не только авторефераты, а работы целиком)? Тоже боимся воровства? Но эта проблема вообще решается элементарно. Разработчики системы «Анти-плагиат» уже заключили рамочное соглашение с ВАК РФ. Все вывешенные

диссертационные работы без труда можно поместить в одну электронную базу, и любая проверка займет менее одной минуты. Или мы боимся, что уменьшится число докторов и кандидатов наук?

Следующий пункт: почему столь сложно найти на сайтах факультетов стандартную информацию о преподавателях, включая полные списки их публикаций. Это тоже страшная коммерческая тайна? Или выяснится, что с публикациями не все ладно – их нет или они содержатся в источниках, которые невозможно обнаружить в каталоге ни одной из достойных библиотек?

При желании нетрудно решить эти вопросы. Технические препятствия давно преодолены: доступ в Интернет есть почти у всех, а для того, чтобы сделать новую страницу на сайте, кому-то из наших студентов понадобится всего один день. Придется, конечно, тратить некоторые усилия на ее поддержание, периодически обновляя информацию, но это отнюдь не гигантские усилия.

Если у нас действительно серьезные амбиции, открытость внутри российского социологического сообщества, конечно, лишь первый шаг. Мы должны стать более открытыми для сообщества международного, и не только для российской диаспоры, проживающей в разных концах света. Можно, конечно, считать, что у нас по определению все на международном уровне, только об этом, к сожалению, никто не узнает. Здесь возникает проблема иностранного (читай: английского) языка и перевода того, что мы делаем на этот язык. Речь идет также о создании действительно международных учебных программ на том же английском или на других языках, обучаться по которым приедут иностранные студенты из дальнего зарубежья, – для включенного обучения или для получения наших дипломов. Эта задача, конечно, уже более высокого порядка, требующая куда больших целенаправленных усилий. Но и в этом направлении двигаться нужно. И, конечно, не для того, чтобы подзаработать на приезжающих иностранцах, а для того, чтобы стать сопоставимыми и включиться в это международное сообщество на рутинном уровне.

Как привязать себя к практике

Наши студенты постоянно нервничают, найдут ли они себе работу по специальности по окончании вуза. А многие из них торопятся начать работать в период обучения – причем, не только из-за денег, но во многом для обретения опыта и уверенности в том, что они «востребованы».

В этом заключается еще одна специфическая черта социологии и общая трудность для социологов. Академический рынок труда слишком мал, а неакадемический рынок

почти не предъявляет спроса на социологов как таковых. Однако важно понимать, что этот спрос есть, и он достаточно объемен. Просто он существует в латентной форме и предъявляется под другими именами: всем нужны маркетологи, пиарщики, специалисты по рекламе и работе с персоналом. При этом выпускники хорошего социологического факультета (а в условиях растущего рынка, даже и не очень хорошего) находят себе применение и утверждают, что работают «по специальности». Университеты не могут заниматься их трудоустройством (это не их функция, к тому же выпускники прекрасно решают эту задачу самостоятельно). Но учитывать этот неявный спрос (или, точнее, помогать выпускникам его улавливать) – наша задача.

В целом очень важно не отгораживаться от практиков, а контактировать с ними несмотря на очевидные трудности и ограничения, связанные с такими контактами. Преподаватели и исследователи должны вести с ними периодический диалог (социологическое исследование как раз одна из форм такого диалога). Не мешает и практический опыт работы или участия в каких-то бизнес-проектах, хотя, конечно, совмещать эти виды деятельности могут не все. В любом случае, инициатива по организации такого диалога должна исходить с нашей стороны, потому что практики «слишком заняты» (как будто мы не заняты вовсе!) и, главное, не готовы решать за нас наши задачи. Нужно вовлекать их в свой процесс – читать лекции, открывать специальные базовые кафедры, «навязывать» студентов для руководства и организации практики. Это позволит поддерживать еще одну форму «связи с реальностью».

В последнее время оживляется интерес со стороны бизнеса к образовательным программам и сотрудничеству с ведущими университетами. Причина его проста: рынок труда продолжает расти, а дефицит квалифицированных кадров становится все острее. И если раньше руководители компаний просто просили: «ну, дайте кого-нибудь толкового», то теперь, по крайней мере некоторые из них, понимают общую системность и существенность разрыва между теми, кто им нужен, и теми, кого они вынуждены нанимать за все возрастающие зарплаты. Нужно поддерживать и канализировать этот неустойчивый интерес.

При контакте с практиками (представителями бизнеса или государственного управления) социологи не должны идти на поводу их текущих запросов, потому что временные и содержательные горизонты у них, как правило, слишком узкие. Нужно брать сформулированные практиками задачи и решать их по-своему. И окажется, что на социологическую аналитику и здесь есть спрос, хотя первоначально он, возможно, и не предъявлялся. Углубленной аналитики всегда не хватает, сколько бы текущей информации не было в распоряжении наших практически ориентированных коллег.

И еще одно рассуждение более деликатного и спорного свойства. Относительно пониженный интерес к трудам социологов во многом связан с тем, что мы работаем преимущественно в дескриптивном и ретроспективном ключе, т.е. в основном описываем и анализируем ранее свершившееся, а не предсказываем то, что случится завтра и послезавтра. Социологи любят типологизировать и не любят предсказывать. У этого есть объективные основания. Социолог изучает социальные структуры, а последние – это устойчивые связи, воспроизводимые в течение определенного, относительно длительного времени. Наблюдая нечто, возникающее на наших глазах, мы еще не знаем, утвердится ли оно в качестве такой структуры или будет сметено потоком времени. Поэтому основные социологические инструменты, даже если исследуется настоящее, ориентированы на прошлое. Это ни плохо, ни хорошо, такова специфика дисциплины. Хуже другое: специалисты-практики, в каких бы сферах они не работали, как раз прошлым интересуются в наименьшей мере. Добавим, что часто они слабо интересуются и настоящим, считая, что в своей области им и так все известно (скорее всего, они заблуждаются, но переубедить их нелегко). Присущий им неизменный прагматизм проявляется, в частности, в том, что их преимущественно интересует ближайшее будущее. Поэтому, кстати, экономисты, даже при весьма механическом использовании регрессионных моделей, имеют куда больший успех.

Нравится нам это или нет, но если мы хотим теснее связать свои интересы с интересами практиков, нам придется учиться работать на предсказательном уровне. И не думаю, что подобные попытки обречены на неудачу. Если социальные структуры существуют сегодня, то с определенной (достаточно большой) вероятностью они будут существовать и завтра. А более отдаленной перспективой (о которой как раз любят рассуждать теоретики футурологического склада), практически никто не интересуется.

Как стать настоящим патриотом

В последнее время присущий социологии методологический плюрализм дополнился в России попытками идейного и институционального раскола социологического сообщества. В самой организации очередного союза или ассоциации, разумеется, ничего плохого нет. Хуже то, что под знаменами нового объединения прозвучали обвинения в адрес российских социологов-шестидесятников, которые, если аккуратно выразиться, немало сделали для становления новой российской социологии (при этом важной роли Г.В. Осипова в этом процессе, думаю, никто не собирается оспаривать).

Каковы же основания, по которым начали делить социологов? Ничего нового, увы, нас здесь не ожидает. В очередной раз провозглашается грядущее торжество отечественной мысли, взошедшей «без механического экспорта идей» (вероятно, имеется в виду импорт, но это детали). И есть, якобы, горстка «заблудших», которые не веруют в русскую социологическую традицию и пытаются стать проводниками тлетворного влияния Запада.

Я, разумеется, никак не против русской социологической традиции, пусть даже о ней мало кто знает вне России. Но, во-первых, исключения все же есть, а во-вторых, даже если бы и вовсе никто, кроме нас, не знал эту традицию, все равно ее следует изучать как важнейший элемент собственной истории. Дело в другом: не следует этим и ограничиваться.

Попытка представить дело как продолжение благородного исторического спора «западников» и «славянофилов» (или в менее благородной версии – «патриотов» и «космополитов») тоже не совсем удачна. Скорее, речь идет о противостоянии изоляционизма с характерными заклинаниями, что у нас и так все «на международном уровне», и попыток встраивания России в сложные глобальные процессы, в стремлении найти ей там достойное место. И кто здесь патриотичнее – большой вопрос. Точнее, патриотизм мы понимаем по-разному.

Если действительно заботиться о состоянии российской социологии и ее месте в международном профессиональном сообществе, то первое, что нужно делать, – это переходить от доморощенных местечковых теорий к детальному изучению мирового наследия и правил игры, по которым строятся мировые академические практики. Когда, например, у тебя сильный неспадающий жар, можно, конечно, лечиться традиционными средствами, но лучше все-таки прибегнуть к антибиотикам, хотя их и придумали «буржуазные специалисты». Или еще один образ: большинство из нас (по крайней мере, если речь идет о мужчинах) продолжает любить футбол, несмотря на хроническое отсутствие у национальной сборной команды серьезных успехов на международной арене. И даже когда мы в очередной раз проигрываем, мы же не предлагаем ввести свои правила игры (например, не пытаемся заменить их правилами игры в традиционной русской лапту), хотя правила игры в футбол (как и многих других игр) придуманы не в России, и что-то наверняка нам может в них не нравиться. Правила «игры в науку», которой мы занимаемся, увы, тоже придуманы не в России. И что же нам теперь, выдумывать какие-то свои правила?

Иное дело, что западные теории тоже не стоит фетишизировать. Вместо бездумного поклонения и некритического заимствования, их нужно эффективно

использовать. Это ведь не более чем рационально выстроенные инструменты, которые следует отбирать для своих нужд и пускать в дело. Но, конечно, для этого сначала придется изучить, как ими пользоваться, чтобы не «уродовать» себя и других.

И, наконец, еще более трудная задача. Из того, что правила организации академического сообщества социологов и его профессиональной деятельности относительно универсальны и выработаны на иной почве, вовсе не означает, что невозможно существование национальной российской социологии. Я верю, что она возможна. Но сложность заключается в том, что, вырастая из наших культурных оснований, из специфического опыта, она должна преодолеть разрыв с внешними культурными основаниями. Для этого придется играть в «свою» игру по «чужим» правилам и с носителями этих правил, чтобы попросту не остаться наедине с собой и не заниматься самоудовлетворением. Словом, и здесь речь идет о построении внешнего интерфейса.

Выстраивать содержательные связи

Если суммировать все сказанное выше, фактически речь идет о выстраивании внутренних и внешних интерфейсов, или содержательных связей, социологии. Следует быть понятными для тех, кто уже обращен или может быть обращен к социологии, каким бы сложным ни было содержание наших построений и выводов. Для этого придется прояснять собственные теоретические основания – дифференцировать многочисленные социологические подходы и выделять их аксиоматику. В основу социологических исследований должны закладываться не формально актуальные темы, а проблематизирующие гипотезы, в которых следует избегать тавтологического повторения аксиом и «предугадывания» будущих результатов. Проверая такие гипотезы, мы должны без боязни фальсифицировать собственные теоретические положения, аккуратно вычерчивая место используемых подходов.

Определив место этих подходов, надо немедленно строить методологические связи между ними вместо того, чтобы погружаться в общесоциологические рассуждения. При этом следует отделять мировоззренческие системы от операциональных социологических теорий, а последние доводить до уровня конкретных измерений. А чтобы связывать разрозненные теории и эмпирические свидетельства и при этом получать нетривиальные результаты, придется усиленно изучать ремесло – методы и процедуры сбора и анализа данных. И, наконец, все наши продукты, исследовательские и образовательные, должны выставляться на открытый суд профессионального сообщества – сначала российского, а по мере накопления сил – и международного.

Построение другой необходимой связи предполагает улавливание неявного спроса на социологию и социологов со стороны практиков разного толка. Нужно втягивать их в содержательные диалоги, используя организационные рамки образовательного и исследовательского процесса. Чтобы по-своему решать стоящие перед практиками задачи, социологам придется, помимо прочего, учиться не только описывать прошедшее и настоящее, но и предсказывать будущее, не теряя при этом специфики собственных инструментов.

Наконец, решение амбициозной задачи позиционирования России в международном сообществе предполагает прежде всего освоение мирового (в том числе, и российского) наследия и совокупности правил, по которым строится академическая наука. Играя по «чужим» правилам с представителями иных культур, следует попытаться занять свою позицию в этой игре.